



## Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

### Глава XVII<sup>1)</sup>.

**Н**а Балканахъ разгорался пожаръ, атмосфера сгущалась, и я опять возвращаюсь къ тому, о чемъ уже говорила раньше: славянамъ жилось бы весьма не дурно подъ эгидой оттоманской короны, если бы не интриги тѣхъ державъ, которыя упорно пробиваются черезъ ихъ головы къ заманчивымъ берегамъ Средиземнаго моря.

Принято думать, что борьба идетъ за обладаніе древней Византіей и проливами—нѣтъ! „восточный вопросъ“ уже давно перемѣстилъ свой центръ тяжести: правда, что греки еще мечтаютъ снять полумѣсяцъ съ Ая-Софія, но для континентальныхъ государствъ Салоники, на примѣръ, куда соблазнительнѣй Босфора и Дарданелль.

Послѣ майскаго переворота на аренѣ общественной жизни страны все пошло сразу ускореннымъ темпомъ.

Утромъ 4 іюня представители державъ получили отъ Высокой Порты увѣдомленіе въ слѣдующей редакціи: „мнувшей ночью сверженный султанъ, Абдуль-Азисъ, принимая по обыкновенію раньше, чѣмъ отойти ко сну, горячую ванну, въ припадкѣ жестокой меланхоліи вскрылъ себѣ пульсовыя вены на рукахъ съ помощью

<sup>1)</sup> См. „Русск. Стар.“ январь 1912 г.

маленькихъ туалетныхъ ножницъ, вслѣдствіе чего истекъ кровью и скончался“...

Кто не читалъ множество разъ о только что упомянутомъ мною, но въ болѣе интересной формѣ, а главное сдѣланномъ болѣе умѣлымъ перомъ, чѣмъ мое—слѣдовательно, нѣтъ даже основанія повторять то, что давно извѣстно каждому и безъ меня, а потому я опять перехожу на личныя впечатлѣнія.

Итакъ, ушелъ съ житейской сцены и отправился въ рай Магомета фатальный Абдуль-Азисъ, убѣжденный сторонникъ Россіи—какая еще новость могла быть пріятнѣй для „нѣжнаго“ сердца Дизраэли, лорда Биконсфильда?

По сигналу отъ него ради отвода глазъ такъ называемая „турецкая пресса“ съ бѣшенымъ ликованіемъ опрокинулась на трупъ несчастнаго султана и, вытащивъ его изъ кровавой ванны, учинила надъ нимъ свои ужасныя поминки; точно и дѣйствительно писали тогда въ газеты не жалкіе репортеры, которымъ сэръ Эллиотъ платилъ отъ строки, а настоящіе демоны изъ ада. Восхищенію не было границъ, такъ какъ со смертью Абдуль-Азиса русская дипломатія получала шахъ и матъ на берегахъ Босфора, откуда раньше ореолъ нашего величія подобно маяку освѣщалъ балканскимъ народамъ ихъ темный путь.

Боже мой! какъ будто все это случилось только вчера—такъ живо рисуются въ памяти мельчайшія подробности той печальной эпохи, когда наше дѣйствительно правое дѣло перешло въ руки къ человѣку, безумно и страстно ненавидѣвшему, славянство вообще, но Россію въ частности.

Тогда поднялась изъ оута вся чуждеядная накипь въ странѣ, чтобы закидать насъ грязью; изъ того же источника сыпались угрозы съ проклятіями по адресу Игнатьева, а также и генерала Черняева, уже выступавшаго на арену непосильной борьбы.

Памфлеты и карикатуры проливались дождемъ въ толпу: ихъ расклеивали на стѣнахъ домовъ, мечетей и даже султанскихъ дворцовъ. Одно изъ такихъ произведеній живописи и остроумія по преимуществу нравилось уличной публикѣ: рисунокъ изображаетъ <sup>1)</sup> покойнаго султана какъ бы воспарившаго въ поднебесье и сидящаго верхомъ на полумѣсяцѣ; правой рукой онъ дѣлаетъ „селямъ“, а лѣвой протягиваетъ ножницы фигурѣ, стоящей на крышѣ Долма-Бахче—внизу подпись:

„Вознесеніе въ рай Магомета“ и діалогъ, который перевожу

<sup>1)</sup> Онъ сохраняется у меня и по сіе время.

здѣсь à la lettre: „Московъ-султанъ:—ну, куда же ты забрался, мой вѣрный другъ? Полно дурачиться—слѣзай, а то безъ тебя всѣ меня обижаютъ. Московъ-визирь:—однако, ваше московское величество, вы ужаснѣйшій эгоистъ: очень надо мнѣ изъ-за какихъ-то славянъ ломать себѣ ноги, спускаясь внизъ! Займитесь-ка лучше операціей венъ,—ножницы вотъ кстати! Могу также оказать вамъ протекцію для входа въ рай“...

Прозвище „московъ-султанъ“, данное генералу Игнатьеву народнымъ юморомъ, и „московъ-визирь“—Абдуль-Азису, чрезвычайно характерно опредѣляло тогда степень могущества нашего представительства въ Оттоманскомъ государствѣ, хотя истина требуетъ сказать, что друзей мы никогда тамъ не имѣли: былъ только „страхъ“, а затѣмъ и этого не стало...

Газетныя сплетни константинопольской печати, въ которую за турокъ писали подонки и отбросы пришлаго населенія, словно ядовитая зараза проникали всюду, разжигая страсти и возбуждая фанатизмъ мусульманъ, что и требовалось согласно директивамъ изъ Сень-Джемскаго кабинета.

То было кошмарное время для нашего самолюбія: все русское оплевывалось съ удивительной яростью и служило объектомъ для самой подлой въ мірѣ клеветы, забрызганной слюной бѣшеной собаки.

Я покидаю берега очаровательнаго Босфора и переселяюсь опять въ глубь страны, гдѣ мнѣ пришлось наблюдать ходъ историческихъ событій въ другомъ освѣщеніи.

На слѣдующее утро послѣ раута въ конакѣ у Кіамиль-паши, во всѣхъ христіанскихъ церквахъ было назначено молебствіе о здравіи новаго султана.

Всѣ консулы получили телеграфное предписаніе быть на богослуженіи въ парадной формѣ и находиться каждому въ своей ложѣ подъ охраной кавасовъ.

Вынужденная стеченіемъ обстоятельствъ присутствовать на торжествѣ, какъ и всѣ члены семьи консульскаго персонала, я отправилась туда съ дядей и тетей, сопровождаемые нашимъ Али, который былъ прямо великолѣпенъ въ бѣлой, накрахмаленной албанской юбкѣ, въ голубой зуавкѣ съ откидными рукавами, расшитой пестрыми узорами и въ огромномъ, красномъ тарбушѣ, украшенномъ страусовымъ перомъ.

Каедральный греческій соборъ, куда мы явились, блистала огнями люстръ и паникадилъ; на хорахъ дамы въ шикарныхъ нарядахъ, духовенство въ парадныхъ ризахъ, греки празднично



разодѣтые, а большинство даже въ національныхъ, живописныхъ костюмахъ, въ широчайшихъ фустанеллахъ, съ фесками на головахъ и гетрами до колѣнъ; внушительная турецкая стража для наблюденія за порядкомъ—словомъ, картина толпы, наполнявшей храмъ, представляла собой эффектное и слишкомъ оригинальное для нашего русскаго глаза зрѣлище въ домѣ молитвы.

Но меня угнетали совсѣмъ другія мысли и чувства, далеко не религіознаго содержанія: наканунѣ, послѣ раута я вернулась домой, озаренная свѣтлой надеждой, и собиралась, испросивъ предварительно разрѣшенія тетуски, повидаться утромъ съ Элиме, вполне увѣренная, что она уже имѣла передать мнѣ дорогую вѣсточку отъ любимаго существа—какъ вдругъ, вмѣсто того ироніей судьбы пришлось молиться за Мурада V.

Дьяконъ, причесанный, умытый на этотъ разъ, вѣроятно изъ уваженія къ новому султану, громко, ясно, не перевирая даже словъ, что казалось прямо удивительнымъ, возгласилъ прошеніе „о здравіи Падишаха-Калифа Ислама и государя христіанъ, державъ его подвластныхъ“, а хоръ пѣлъ въ унисонъ: „многая лѣта!“

Въ заключеніе митрополитъ Адрианъ обратился съ назидательной рѣчью къ чадамъ православной церкви, убѣждая ихъ радоваться событію, жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ турками, не нарушать вѣковой дружбы съ ними, повиноваться законамъ Имперіи и любить Мурада V.

Когда окончился молебенъ, публика стала расходиться, оглашая воздухъ, какъ и всегда, концертомъ дикихъ звуковъ.

На площадкѣ передъ соборомъ шумѣла, волнуясь, огромная толпа мальчишекъ, городскихъ парней и рыбаковъ; трещали пестарды, хлопушки, ружейные залпы, безъ чего на Востокѣ и праздникъ не въ праздникъ. Несмотря на яркій, солнечный день взвивались ракеты, а нѣкоторыя изъ нихъ, пущенныя озорниками прямо въ публику съ мѣткостью достойной призовой награды, обжигали цвѣты и перья на дамскихъ шляпахъ, хотя, правда, безъ всякаго ущерба для фізіономій; но этимъ рѣшительно никто не возмущался и даже аплодировали героямъ.

Аристархъ Мильтіади, какъ представитель самой многочисленной народности въ Хіосѣ, принялъ на себя инициативу по устройству грандіознаго банкета въ честь праздника сверженія тирана Абдуль-Азиса, подъ скипетромъ котораго онъ, тѣмъ не менѣе, нажилъ милліоны.

— Надо быть солидарными въ радости съ турками, трогательно улыбаясь, говорилъ онъ, приглашая насъ слѣдовать за нимъ.

— А чему радуются турки — mille million de bombardes?!— съ неизмѣннымъ апломбомъ вмѣшался знатокъ по части французскаго діалекта, извѣстный уже читателю Григораки Кундури.

— Ну, не все ли равно чему? лишь бы намъ было хорошо, а тамъ, чортъ ихъ возьми совсѣмъ! — отвѣтилъ греческій консулъ и, понижая голосъ, добавилъ:

— Я еще вчера получилъ конфиденціальное увѣдомленіе, что Мидхатъ-паша склоняется въ пользу автономіи Архипелага—такимъ образомъ наша гегемонія будетъ здѣсь обезпечена, а дальше... во всякомъ случаѣ звѣзда древней Византіи еще не угасла въ лучахъ полумѣсяца... <sup>1)</sup>.

— И я также имѣю чрезвычайно пріятныя новости, — хлопая по карману, отозвался Карава, непогрѣшимый истолкователь грядущихъ событій, а потому глаза всѣхъ его друзей съ необычайно жаднымъ вниманіемъ устремились къ нему. Польщенный всеобщимъ довѣріемъ, хіосскій оракулъ не замедлилъ подѣлиться съ любознательными сограждами запасомъ свѣдѣній, добытыхъ изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ Константинопольской биржи и отъ имени Мидхатъ-паши наобѣщавъ имъ такъ много прекрасныхъ вещей, что у нихъ даже головы закружились, какъ бы отъ шампанскаго.

Но, Боже мой! сколько же богатыхъ перспективъ открывались тогда для чужаеднаго элемента, прочно осѣвшаго на организмѣ „господствующей“ якобы расы въ странахъ Ислама!.. И дѣйствительно, если говорить справедливо, развѣ турокъ хозяинъ своей земли? развѣ онъ пользуется естественнымъ правомъ cadaquo распоряжаться собственнымъ имуществомъ, да еще завоеваннымъ его же кровью?! Какъ далеко отъ дѣйствительности подобное заблужденіе тѣхъ, кто мало знакомъ съ этнографіей Оттоманскаго Востока. Нѣтъ! судьба гордаго побѣдителя обширной Византійской Имперіи уже давно рѣшена, и у себя дома онъ несравненно болѣе угнетенъ, чѣмъ его милые гости. Ну, какъ тутъ не вспомнить покойнаго Ив. А. Хлестакова, увѣрявшаго, что жизнь его проходила „въ эмпиреяхъ“: мы смѣемся надъ нимъ, такъ какъ онъ вралъ, но любой пришлецъ въ гостепріимномъ краѣ, называемомъ Турціей, можетъ повторить, не краснѣя, его безсмертныя слова. И чего ему не достаетъ еще, и чего онъ требуетъ постоянно? Всѣ деньги у него въ карманѣ, торговля, главный нервъ существованія государства, въ его рукахъ, пресса, школы, судъ и даже администрація свои собственные. Но говорятъ, что и этого мало, что надо прогнать турокъ въ Азію.

<sup>1)</sup> Игра словъ, такъ какъ эмблема Ислама изображаетъ полумѣсяцъ и звѣзду надъ нимъ.

Прекрасно! А кто же сядетъ тогда у проливовъ и кто, наконецъ, позволить хозяйничать у себя въ домѣ съ тою безцеремонностью, которой нѣтъ пазванія — ужъ не Вильгельмъ II ли? Поживемъ — увидимъ!..

### Г л а в а XVIII.

Съ нѣкоторыми задержками всѣ мы, приглашенные на банкетъ, шли за консуломъ по тѣснымъ улицамъ городка, протискиваясь впередъ сквозь густую массу народа, спѣшившаго къ набережной, гдѣ предполагалось большое гулянье, устроенное Кіамиль-пашою, съ музыкой, фокусниками и даже „Карагѣзомъ“<sup>1)</sup>—любимая забава на Востокѣ. Турчанки также, закутанныя въ свои широкіе фередже, отдѣльными группами бродили въ толпѣ, сверкая на прохожихъ черными глазами изъ подъ кисей бѣлыхъ яшмаковъ.

Хозяйка дома, жена Мильтіади, привѣтствуя насъ добрыми пожеланіями, вдругъ, какъ говорится, „ни съ того-ни съ сего“ захватила меня въ свои объятія и нѣжно прошептала: „Каименэ кориція“, что означаетъ: „бѣдная дѣвочка!“

Я вся похолодѣла, вообразивъ, что она узнала о чемъ-нибудь неблагополучномъ съ Тафти, такъ какъ мѣстному обществу до нѣкоторой степени была извѣстна исторія моего увлеченія, благодаря нескромности Элиме; но оказалось, что доброе сердце гречанки просто хотѣло выразить мнѣ глубокое соболѣзнованіе по случаю фіаско русской политики на Балканахъ...

Такимъ образомъ волна политиканства захватила и хіосскихъ дамъ, прежде совершенно равнодушныхъ вообще къ печатному слову, за исключеніемъ новостей въ журналахъ „Парижскихъ модъ“.

Груды газетъ и экстренныхъ добавленій къ нимъ ожидали гостей въ прохладныхъ, высокихъ апартаментяхъ консульства. Всѣ жадно читали, волновались, спорили, горячились, обсуждая послѣдствія переворота на Оттоманскомъ тронѣ.

Нѣсколько турецкихъ офицеровъ и лицъ администраціи, приглашенныхъ также на банкетъ, въ параллель къ азарту своихъ греческихъ и левантинскихъ сожителей, замѣтно уклонялись отъ темы на злобу дня, больше отмалчиваясь, когда интересовались ихъ мнѣніемъ: они прекрасно понимали, что избавленіе отъ „Московского ига“, чему такъ безумно радовалась иностранная пресса, еще

<sup>1)</sup> Въ родѣ нашего „Петрушки“.



не знаменовало собой конецъ рабства и порабощенія ихъ государства. Понималъ это и ультра-либеральный Мидхатъ, но развѣ онъ распоряжался тогда судьбой турецкаго народа?..

— *Tiens!* господа турки,—обращаясь къ послѣднимъ, громогласно воскликнулъ неугомонный Григораки:

— Какъ вы полагаете, дадутъ намъ автономію? *Ventre-Saint-gris*, а то мы разсердимся и устроимъ для вашего Мурада ножницы изъ „греческой стали!“ *Nom de nom!*

Но военные нахмурились и сердито блеснули зрачками.

— Мы уже присягнули его величеству, а дальнѣйшее насъ не касается, холодно и презрительно отвѣтилъ нахалу комендантъ крѣпости.

— *O tempora! o mores!* ни къ селу - ни къ городу вспомнилъ Цицерона знатокъ крѣпкихъ французскихъ словечекъ и, горестно вздохнувъ, приблизился къ нашему дамскому кружку.

— *Mesdames*, началъ онъ въ минорномъ тонѣ:—не любите турокъ—они всѣ подлецы и живодееры: *n'est-ce pas? mille diables!*

— А кто же ихъ любитъ? —спросила толстая Кокинаки, жена плантатора лимонныхъ рощъ:—развѣ только сумасшедшіе люди!

— А, есть, есть такія, даже здѣсь въ Хіосѣ, готовыя промѣнять вѣру отцовъ на красную феску!—кидая по моему адресу слишкомъ прозрачный намекъ, отвѣтилъ Кундури. Я сдѣлала видъ, что оглохла. Становилось душно и шумно отъ разгоравшихся страстей: автономія, равноправіе и, конечно, Игнатъ съ Черняевымъ не сходили съ языковъ.

Чтобы избавиться отъ необходимости слушать набившіе мнѣ жестокою оскоминою разговоры о политикѣ, я незамѣтно вышла изъ комнаты, спустилась по витой лѣстницѣ на нижній балконъ, облокотилась на перила и ушла далеко, далеко въ свой собственный міръ золотыхъ грезъ на яву.

— Безумно счастливъ видѣть васъ, богиня! — окликнулъ меня знакомый голосъ, и на мою открытую по локоть руку упалъ, точно раскаленный уголекъ, горячій поцѣлуй.

Я повернулась лицомъ къ говорившему и встрѣтилась глазами съ Мавробіязи. Присутствіе его на праздникъ меня поразило: нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ уѣхалъ въ Албанію и, какъ любитель сильныхъ ощущеній, принималъ безъ всякаго сомнѣнія горячее участіе въ дѣйствіяхъ инсургентовъ. Стройный, ловкій въ движеніяхъ, гибкій, какъ барсъ, въ роскошномъ, живописномъ нарядѣ арнаута онъ казался даже интереснымъ, и я бы не была женщиной, если бъ не залюбовалась имъ тогда; но его пламенная, глубокая страсть, которую онъ сохранялъ ко мнѣ, и трогала и

отталкивала меня въ одно и то же время по необъяснимому и непонятному противорѣчію сердца?..

— Андреа!—вскрикнула я, теряя власть надъ собой:—зачѣмъ вы здѣсь? развѣ не боитесь, что васъ арестуютъ?

— Боятся—миѣ?! вотъ потѣха!—разсмѣялся онъ:—хотите, сейчасъ, немедленно утащу васъ отсюда и увезу на Балканы?..

— Нѣтъ!! благодарю!—попятилась я отъ него, вполне увѣренная, что онъ способенъ былъ даже не задуматься надъ этимъ. И дѣйствительно, его необычайная, львиная отвага нигдѣ не измѣняла ему, выручая порой изъ самыхъ рискованныхъ положеній.

— О, бездушное, подлое женское отродье! вспыхивая какъ порохъ, кинулъ миѣ Андреа:—будь проклятъ тотъ моментъ, когда я спасъ тебя отъ ножа башибузука, и для кого же?! продолжалъ онъ, уже ничего не соображая, захваченный акстазомъ своего неукротимаго африканскаго темперамента:—хотя бы чортъ унесъ его на войну! и чего сидить здѣсь, окаянный? шелъ бы лучше драться съ инсургентами, чѣмъ съ бабами въ гаремѣ! Все равно не быть вамъ его женой: никогда, никогда законы божескіе и человѣческіе не позволятъ православной христіанкѣ совершить такое ужасное дѣло! А если иначе, то я позову его на смертный бой...

Пока онъ говорилъ такъ, миѣ думалось все время, что тяжелые камни падали съ неба и разбивали мое сердце на куски; я даже лишена была способности возражать, такъ какъ слова убѣгали съ губъ, не давая звуковъ.

— Моя „Евгенія“ <sup>1)</sup>, ты носишь это имя, — въ страстномъ порывѣ бросаясь на колѣни передо мной, шепталъ онъ:—отзовись на мою любовь—ей нѣтъ границъ! Я умираю безъ тебя!..

Не знаю, какой эпилогъ написалъ бы драматургъ къ этой сценѣ и какъ распорядился бы нами, героями; но извѣстно, что жизнь не всегда спѣшитъ къ развязкѣ дѣйствія и мѣняетъ иногда декорации равьше, чѣмъ падаетъ занавѣсъ.

Послышались шаги, и въ рамкахъ стеклянной балконной двери обрисовалась фигура моего дяди:

— Ну, чего ты уединяешься? — спросилъ онъ съ досадой въ тонѣ голоса: — да что такое? не заболѣла ли—у тебя прескверный видъ!..

— Да, дѣйствительно, у меня сильно кружилась голова, вѣроятно отъ духоты, а теперь ничего,—говорила я, какъ во снѣ и украдкой оглядываясь по сторонамъ; но Андреа уже не было...

<sup>1)</sup> Евгенія по-гречески значитъ „благородная“—здѣсь была игра словъ.



## Г л а в а XIX.

Потрясеніе, испытанное мною, было тѣмъ ужаснѣе, что я отчетливо могла представить себѣ ту степень опасности, которая грозила Тафти со стороны его злѣйшаго врага, принявшаго, видимо, окончательно рѣшеніе не церемониться дальше, а также свое полнѣйшее безсиліе предупредить несчастіе.

Вдругъ меня осѣнила мысль: я вспомнила, что мой старѣйшій, вѣрнѣйшій другъ, Хассанъ-ефенди также находился въ числѣ приглашенныхъ у консула, и вотъ именно это обстоятельство давало мнѣ шансъ для интимнаго разговора съ нимъ.

Ободренная надеждой, я преодолѣла себя и вернулась въ приемную. Тамъ царило по-прежнему экзальтированное настроеніе, благодаря чему никто не обратилъ на меня своего благосклоннаго, исключительнаго вниманія.

Однако мое отсутствіе не продолжалось и часу, но мнѣ самой уже стало казаться, что тамъ на балконѣ я пережила вѣка, а здѣсь проснулась въ другомъ мірѣ.

Съ обѣдомъ, приготовленнымъ французскими поварами изъ клубовъ Смирны, вызванныхъ экстренно для того, еще пока медлили, ожидая съ минуты на минуту Кіамиль-пашу.

Но вотъ вмѣсто него явился секретарь конака, Вафиръ-бей, и принесъ амфитріону массу извиненій, сообщивъ тутъ же о прибытіи депутацій изъ Родоса, какъ и всѣхъ прочихъ острововъ, подвластныхъ Хіосскому пашалыку, и добавилъ, что въ силу такихъ обстоятельствъ его превосходительство будетъ лишенъ несравненнаго удовольствія провести время въ домѣ господина Мильтіади.

Конечно, все это говорилось не такъ, какъ я передаю, а языкомъ по обычаямъ Востока цвѣтистаго, образнаго краснорѣчія, правда, слишкомъ вычурно для нашего европейскаго уха, съ добавленіемъ весьма оригинальныхъ метафоръ и сравненій. Но старанія Вафиръ-бея позолотить пилюлю не достигали цѣли: консуль слушалъ съ ярко выраженнымъ недоверіемъ въ глазахъ, и чело его хмурилось. А между тѣмъ судьба все-таки благоволила къ нему: вошелъ кавасъ и громко доложилъ, что на рейдъ пришла яхта изъ Самоса съ княземъ и княгиней и что ихъ высочества отправились сначала съ официальнымъ визитомъ къ губернатору, а затѣмъ изволятъ пожаловать на банкетъ.

Здѣсь слѣдуетъ кстати замѣтить—для тѣхъ, понятно, кто этого не знаетъ—что островъ Самосъ еще съ 1832 года автономенъ, платитъ опредѣленную дань Турціи и управляется по назначенію отъ

Порты христіаниномъ изъ греческой національности, который носитъ пожизненный титулъ „князя Самосскаго“.

— Tiens! Теодораки-эфенди и киріа Клію! — вскрикнулъ Кундури:—ихъ надо непременно пригласить въ нашу компанію—enfer et damnation!

— Ну, разумѣется, — отвѣтилъ хозяинъ съ просіявшимъ лицомъ:—я сейчасъ распоряджусь, а теперь прошу дамъ и кавалеровъ къ столу — намъ ждать ихъ нѣтъ основаній, такъ какъ, вѣроятно, они уже пообѣдали.

— Sapristi! — болталъ Григораки:—насъ зовутъ къ трапезѣ боговъ—будемъ надѣяться, что кромѣ нектара и амброзіи намъ дадутъ еще чего-нибудь болѣе существеннаго.

Всѣ покатались отъ хохота.

Наконецъ, гости размѣстились вокругъ богато сервированнаго стола, но, по особенностямъ греческаго церемоніала, мужчины отдѣльными группами отъ дамъ.

— Ага! вотъ и Самосскій повелитель! — радостно проговорилъ Мильтіади, кидаясь навстрѣчу сановнику. Вошелъ плотнаго сложенія, небольшого роста грекъ въ черномъ стамбулинѣ съ орденской звѣздой на груди и въ красной фескѣ. Начались взаимныя привѣтствія и разспросы.

— А гдѣ же княгиня?—волновались дамы.

— Сейчасъ будетъ, отвѣтилъ князь, зашла къ Мавро-Кордато повидаться съ теткой.

Вскорѣ явилась и прекрасная Клію. Это была миниатюрная брюнетка 30—32 лѣтъ не болѣе, вполне изящно одѣтая по самой послѣдней картинкѣ парижской моды. Зато обѣ фрейлины, сопровождавшія ее, произвели на хіосскихъ франтихъ прямо ошеломляющее впечатлѣніе своимъ необычайно страннымъ видомъ, такъ какъ, дѣйствительно, было чему смѣяться и удивляться—только оставался не рѣшеннымъ вопросъ: по какимъ мотивамъ или по чьей фантазіи нарядили Самосскихъ барышенъ въ юбки и корсажи давно минувшихъ лѣтъ, въ кринолины и шляпы кибитки, уже отошедшіе къ тому времени въ область преданій. Но оказалось, что ларчикъ просто открывался: мои же сосѣдки, хорошо знавшія причудливый нравъ княгини, уроженки Хіоса, объяснили мнѣ, что весь этотъ хламъ устарѣвшихъ модъ былъ извлеченъ на показъ изъ сундуковъ давно умершей бабушки для выгоднаго контраста туалета ея свѣтлости съ прежними фасонами. А бѣдныя „модели“ конфузились и завистливо посматривали на костюмы современнаго покроя.

Дамы окружили княгиню и занялись мытьемъ косточекъ общихъ съ нею знакомыхъ, а мужчины во главѣ съ княземъ, не обращая

вниманія на присутствіе мусульманъ, открыли нѣчто въ родѣ конгресса по вопросамъ будущей федераціи Архипелага, якобы обѣщанной имъ Мидхадъ-пашою, горячо обсуждая права гегемоніи надъ союзомъ автономныхъ владѣній.

Мильтіади, какъ представитель независимаго отъ турецкой имперіи государства, предлагалъ сліяніе его съ королевствомъ Греціи, но островитяне возражали, что едва-ли концертъ европейскихъ державъ согласился бы на то, а хіотяне утверждали, что первенствующая роль принадлежала ихъ острову, какъ исключительно заселенному Эллинской націей. Правитель Самоса съ жаромъ отстаивалъ его права на томъ основаніи, что онъ былъ еще во времена Поликрата политически свободнымъ и главенствовалъ надъ всѣмъ Архипелагомъ Эгейскаго моря.

Очаровательная Клію, желая блеснуть знаніемъ исторіи, томно заговорила:

— Ахъ, Поликрать!.. Вообразите себѣ,—обращаясь къ своимъ бывшимъ подругамъ, продолжала она:—ему удивительно, какъ везло рѣшительно во всемъ, такъ, напримѣръ, однажды, просто отъ нечего дѣлать, ради скуки онъ бросилъ въ море драгоценный перстень, которому никто не зналъ цѣны, и что же? какая-то большая рыба проглотила его, но сама въ тотъ же день попала къ Поликрату на обѣдъ—такимъ образомъ и здѣсь счастье не покинуло его!!!...

— Какъ! онъ бросалъ рыбамъ кольца? да неужели? о, Господи!—спрашивали гречанки, не вѣря своимъ ушамъ:—да кто же онъ такой? и вы знавали этого чудака? а вотъ мы, ваши ближайшіе сосѣди, ровно ничего не слышали о немъ?!... Скажите, давно уѣхалъ изъ Самоса киріе Поликрать?

— Ахъ, Боже мой!—улыбнулась свѣтлѣйшая наивности хіотянокъ:—все это было давно... давно!..

— Теодоръ!—окликнувъ мужа, спросила она:—не помнишь ли ты, при какомъ султанѣ жилъ Поликрать? я забыла.

— Онъ жилъ... Это было, душечка... Это до султановъ, кажется, въ древности, до Р. Х... впрочемъ нѣтъ, послѣ... или до?... запутался въ хронологіи Самоса его свѣтлость:—во всякомъ случаѣ, топ анге, мы съ тобой еще тогда не родились!—весьма удачно отшутился онъ и пересѣлъ подальше отъ любознательной супруги.

Въ кружкѣ левантинскихъ выходцевъ изъ Европы спорили по преимуществу о „вліяніяхъ“ на Босфорѣ и дѣлили попутно Оттоманскую Имперію между собой, при чемъ славянскія земли назначались Австро-Венгріи, берега Сиріи—Франціи, Константинополь—Англіи, конечно; зато экспансивные итальянцы съ пѣной у рта



не уступали никому Средиземнаго моря. Россію просто игнорировали во вниманіе къ присутствію моего дяди здѣсь же.

О Германіи хотя бы единая душа заикнулась, такъ какъ Вильгельмъ II по малолѣтству еще не зналъ тогда, гдѣ и что плохо лежало. Были даже испанцы, но они ничего не требовали изъ общаго котла, хотя неизвѣстно почему.

Турки съ угрюмымъ выраженіемъ на лицахъ молча слушали и не возражали противъ состоявшагося уже рѣшенія подѣлить ихъ государство.

Е. А. Рагозина.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

